

Hrabák, Josef

Проблема чередования литературных направлений в древних славянских литературах

In: Hrabák, Josef. *Polyglotta*. Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1971, pp. 85-97

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120501>

Access Date: 21. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПРОБЛЕМА ЧЕРЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

Литературоведение сосредоточивало до сих пор свой теоретический интерес прежде всего на развитии славянских литератур из конца 18-го века (так называемые новые литературы), тогда как старшим периодам развития оно не уделяло внимания, соответствующего их значению. Поэтому общая проблематика славянских литератур старшей эпохи недостаточно разработана. Таким образом, невольно распространяют на старшую эпоху и механически на практике применяют знания, основанные только на изучении новой литературы или наоборот, изучение древних литератур вовсе не опирается на новые знания литературы, которая из-за своей односторонней направленности не может ему принести много пользы. Теория литературы не оценивая значение изучения старших литератур, даже обедняет себя, ибо она исходит из неполного материала, и поэтому не может прийти к правильному обобщению; ее заключения не могут иметь большого значения для „литературы вообще“, причем является сомнительным, могут ли они правильно показать именно из-за этого сужения поля зрения — проблематику литератур новых и литературы настоящего времени.

Недостаточно уравновешенный интерес теоретиков к „древней“ и „новой“ литературе проявляется своим следствием главным образом в области литературной истории, ибо возникает мнимая непреодолимая пропасть между древней и новой литературами. Возникает неправильное мнение о том, будто специфика древних литератур такова, что в области древних литератур вовсе невозможно применять знания, возникшие изучением литературы новых. Это неправильное заключение можно, конечно, тоже перевернуть и возникает впечатление, что знания, полученные изучением древних литератур не могут применяться к новой литературе, что изучение древней литературы не приносит никакой пользы для новой литературы, что оно является самоцелью, что оно не имеет практических следствий для живой литературной теории. Таким образом, поневоле возникает двойная литературная теория: „новая“ и „старая“, современная и средневековая. Однако, такое отрывание древней литературы от литературы новой вредно для литературной истории, мешает ей дать правильную картину связанного литературного развития.

Изучение древних литератур является, однако, очень полезным и для теории литературы, помогая нам уточнить многие понятия и углубить

многие взгляды. Теория литературы не должна ограничиться лишь материалом ограниченного периода, ибо ее знания ограничились бы только этим периодом и лишились бы своей общей силы. И не только это: даже этот ограниченный период рассматривался бы плохо, потому что он был бы вырван из более широких исторических связей. Поэтому необходимо переносить вопросы типичные для литератур современных и на литературу старших периодов и проверять их решение на старом материале — и наоборот. Только тогда мы можем понять проблемы в их широкой многообразности и одновременно можем определить специфические черты литератур древних и новых.

Чтобы помочь такому изучению, мы хотим задуматься над вопросом о литературных направлениях в древних литературах. Мы надеемся, что таким образом поможем даже разъяснить некоторые вопросы, касающиеся литературных направлений в литературах новых.

I.

Вопрос о литературных направлениях в литературном процессе лучше всех постиг — хотя лишь в обзоре —, думаю, Л. И. Тимофеев в сочинении „Теория литературы“ (Москва 1948) и „Проблемы теории литературы“ (Москва 1955). Он исходит из понятия „художественный метод“; так он называет отношение писателя к действительности, которое является в сущности двойким, реализм и романтизм (здесь лучше, может быть, подходил бы термин не-реализм). В историческом развитии оба этих основных художественных метода проявляются по-разному, но при этом в определенное время ряд писателей близок друг к другу своими идейно-художественными особенностями. Эти писатели представляют литературное направление. В определенное время разные направления взаимодействуют и борются между собой. Их борьба дает характер литературному процессу.

Тимофеев в одинаковом значении пользуется терминами „литературное течение“ и „литературное направление“ (см. „Теория литературы“, стр. 289 и указатель). Как я покажу дальше, лучше будет, если мы будем дифференцировать оба эти понятия и пользоваться терминами „литературное направление“ и „литературное течение“ в особом значении.

Подобно Тимофееву формулирует проблему Л. В. Щепилова в учебнике „Введение в литературоведение“ (Москва, 1956) и Г. Л. Абрамович в учебнике „Введение в литературоведение“ (Москва 1953): Абрамович, однако, пользуется терминами в противоположном значении: реализм и романтизм он понимает как художественные направления, называя их конкретизацию (классицизм, сентиментализм и т. д.) художественными методами.

Понимание литературного процесса у Тимофеева проработано только для литературы с конца 18-го века, но можно его применять и к литературе старших периодов. Поэтому оно послужит нам исходной точкой. Но прежде, однако, мы должны осознать предпосылки понятия Тимофеева, которые являются несомненными для литератур новых, но не для литератур старших периодов.

В первую очередь это понимание предполагает, что все литературное

творчество данной эпохи потенциально доступно как можно более широкому кругу публики и что оно играет ведущую роль во всей национальной культуре. Дело в том, что, если бы литература не была по крайней мере потенциально имуществом всей национальной публики или, по крайней мере, ее решительного большинства, она не могла бы оказывать большое влияние на социальную жизнь. Она могла бы обращаться только к определенным слоям и группам, но не к целому обществу, и поэтому она хоть и отразила бы общественные противоречия, но не могла бы выполнять общественную функцию так, как бы она это могла делать, обращаясь ко всей национальной публике. Я приведу пример. Произведения критического реализма были доступны как приверженцам прогресса, так и приверженцам реакции, и поэтому даже его противники должны были принимать их во внимание. Приходилось знакомиться с реалистическими произведениями, ссылаться на них и т. д. Таким образом, возникала борьба литературных направлений. Там, где нет возможности, чтобы произведения одного направления обращались и к приверженцам противоположной стороны, боевая функция литературы ограничивается, и борьбу направлений нельзя вести в полной мере. Следовательно, если литературному направлению нужна полная жизнеспособность, надо дать потенциальную возможность, чтобы произведения этого направления обращались и к неприятельской стороне. Только потом может начаться борьба литературных направлений.

Вторым предположением упомянутого понятия является центральное положение литературы в словесной культуре. Я хочу этим сказать приблизительно то, что литературные направления не имели бы возможности для возникновения при перевесе словесности устной над письменностью. Если бы центром словесной культуры была устная словесность, расчленение в литературные направления было бы сравнительно невозможное уже потому, что не было бы потенциальной доступности всего объема словесного творчества; в обществе, в котором преобладает творчество устное, национальное общество выбирает и содержит в сознании лишь то, что является близким его мышлению и чувству. Остаток просто не войдет в обращение, в общественном сознании нет места для совместного существования произведений, борющихся против себя. Я не хочу этим сказать, что устная словесность представляет собой недифференцированную цельность. Ее дифференциация, однако, не может приобрести такую резкую форму, что бы могли возникнуть противоположные литературные направления, являющиеся обычными в современных литературах.

Оба эти предположения выполнены в литературах новых, и поэтому не надо их при изучении новых литератур особо приводить и рассматривать, но в литературах старших периодов дело обстоит иначе. Там письменность долго была достоянием лишь маленьких частей национального общества и главным представителем словесной культуры долго было творчество устное. Литературная жизнь по-этому обладала другим видом, чем сегодня. Это проявилось и в другом членении литературы, как мы увидим дальше. Но прежде чем заниматься конкретным материалом, нам приходится еще остановиться перед двумя проблемами: как ограничить литературные направления и каким образом в формировании и ходе литературных направлений участвуют субъективные факторы.

Что я называю ограничением литературного направления? Для меня

важно, как далеко должна идти абстракция при сравнении художественных стилей отдельных авторов, как много авторов и школ нужно нам включить и приводить к общему знаменателю одного литературного направления. Реалистический метод (и его антитеза) например имеет в историческом развитии много реализаций. Литературный историк должен поэтому соображать, какое количество абстракции является целесообразным, насколько широкие литературно-исторические области должен он создавать. Конечно, мы не должны отождествлять с „направлениями“ все большие и маленькие литературные группы, которые появляются и иногда сами выдают себя за „направления“. На другой стороне, однако, нам приходится избегать обобщения слишком большого вида, с перспективы слишком высокой, который бы нивелировал литературную жизнь. Поэтому необходимо определить теоретически обоснованную широту области, в которой литературный историк может работать. Общеупотребительную формулу найти нельзя, так как перспектива должна меняться в соответствии с тем, насколько подробную картину литературной жизни мы собираемся давать — при кратком очерке субсумция будет наверно большая, чем при прорисованной картине и наоборот.

Я думаю, что абстракция никогда не должна быть такой большой, чтобы потерялась картина борьбы литературных направлений в определенном периоде, но с другой стороны мы не должны зайти до таких подробностей, чтобы потерялась главная линия развития в путанице маленьких школ, направляющихся в конце концов к той же цели. — Первая опасность угрожает особенно при изучении старших литературных периодов, где легко может случиться, что мы отождествим литературное течение с целой эпохой. Так напр. нельзя допустить, чтобы мы считали литературным течением Ренессанс, ибо здесь речь идет о целой эпохе. При так большой абстракции мы считали бы борьбой литературных течений литературное отражение разных эпох, тогда как литературной истории приходится следить также за различием литературной жизни внутри эпох, отыскать напряжение, дающее характер литературной жизни отдельных эпох. Вторая опасность угрожает скорее при изучении литератур новых, где литературный историк легко может запутаться в различных направлениях и школах, которые ему бы пришлось поместить под общий знаменатель. Так обстоит дело напр. в литературах империалистического периода, когда особо проявлялись антиреалистические тенденции в целом ряде направлений, называемых с некоторой пренебрежительностью *-измами*. Для литературного развития такие маленькие группы были лишь незначительными колебаниями, не имеющими более глубокого значения. Не имеет смысла регистрировать каждую группу, но надо отыскать те тенденции, в которых видно основное направление развития, и в которых бы проявлялись конфликты, определяющее развитие в данное время. В какие подробности мы здесь вдадимся, это, конечно, (опять повторю), зависит от того, насколько подробную картину мы должны подать.

А теперь о субъективном факторе в литературных направлениях. Я полагаю, что направлением можно считать только такое движение, которое содержит элементы сознательности. Я думаю, что необходимой частью того, что мы называем литературным направлением, является сознание общих целей, которое разделяют как авторы, так и публика. Поэтому интеграль-

ной частью литературного направления является, кроме художественного творчества, и участие критики и публицистики. Сознание общих целей становится настолько сильным, что формулируются литературные программы и ведутся художественные схватки и бои. Как раз благодаря этим теоретическим элементам литература становится творчеством и теряет свою стихийность. Там, где литературная жизнь слишком дифференцирована, литературный историк должен, конечно, включить родственные школы и группы, т. е. он не должен ограничиться лишь субъективным фактором, но более важным для него должен быть фактор объективный.

Надо, однако, подчеркнуть, что степень сознательности меняется и развивается; у литератур старших периодов первоначально едва можно говорить о сознательности каких-нибудь направлений, но для современной литературной жизни эта сознательность является несомненным делом. Поэтому я полагаю, что в литературной теории надо отличать литературное течение от литературного направления. *Течением* я назвал бы движение по одному направлению, тогда как *направлением* я называл бы только такое движение, которое и субъективно чувствуется как стремление к тем же целям, и которое поэтому обладает своей теоретической и публицистической базой. В общем течение можно включить и несколько направлений, взаимно близких своим объективным значением, но где нет теоретического сознания общих целей. — Здесь, конечно, появляется вопрос, не было ли бы потом целесообразно вообще понятие „литературное течение“ отождествить с понятием „литературный метод“, потому что в конце концов все направления могут быть редуцированы на основную противоположность реализма и нереализма. Но как раз древние литературы учат нас, что дело обстоит не так, что надо считаться и с волнением, проходящим внутри этих двух основных методов. Главным различием между течениями и направлениями поэтому я бы считал как раз вопрос о сознательности и стихийности, или же несознательности. Притом, конечно, нельзя забывать, что литературная жизнь является сотрудничеством создателей и публики и что литературное направление представляют не только создатели, но и публика; литературная борьба не ведется лишь за применение определенного метода, но и за публику. Исследование литературного развития следовательно не должно выпускать из виду вопроса публики, способа потребления литературы в данное время и т. д. Если бы мы это не учитывали, наше толкование литературного развития оказалось бы неполным.

Приведенные точки зрения выдвигаются с особенной настоятельностью как раз при изучении старших литературных периодов. Это происходит с одной стороны потому, что здесь, как правило, имеем дело с большим отрезком времени, который уже сам вызывает потребность большей абстракции и большего обобщения, чем у литературных периодов новейших и литературы современной (хотя литературное творчество в старшем периоде было более бедным), с другой стороны потому, что в старшую эпоху литература развивалась при специфических условиях, отличающихся от условий сегодняшней литературной жизни. Как раз эти отличающиеся условия литературной жизни касающиеся специального включения литературы в общество в старшую эпоху не исследуются достаточно и не учитываются всегда в желательной мере. Поэтому мы уделяем им дальше особое внимание.

Из специфических особенностей старших литератур я припомню только те, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме. Свои дальнейшие толкования я буду основывать на литературе чешской, и при этом я буду учитывать литературу польскую. Иллюстрирование чешской литературой считаю я особенно поучительным потому, что дело идет о литературе с очень долгим и драматическим развитием, колеблющимся к тому же в своих началах между двумя большими культурными областями, восточной и западной. Так как речь идет о очень долгом развитии, в котором менялись условия литературной жизни, я разделю свои толкования в два периода.

Следует, конечно, постоянно иметь в виду, что старшие славянские литературы развивались в специфических условиях и решали специфические проблемы. Так напр. в чешской литературе нет аналогии „Слову о полку Игореве“, в польской литературе нет произведения, отвечающего старославянскому творчеству Великоморавского государства, в чешской литературе нет аналогии дубровницким и польским поэтам эпохи Возрождения и т. д. Поэтому отдельные наблюдения, относящиеся к древнечешской и древнепольской литературам нельзя механически применять на остальные древние славянские литературы; но все-таки я думаю, что основные выводы, касающиеся литературных направлений и их чередования, являются общеупотребительными.

Первый большой отрезок развития образует в чешской литературе период от самого начала до гуситского движения, в польской литературе — до Возрождения. Этот период я буду дальше называть средневековьем.

Для чешской и польской литературной жизни в средневековье характерно прежде всего то, что письменность обладала в национальной культурной жизни более скромным положением, чем сегодня. Не только потому, что письменность долго принимала участие в словесном творчестве лишь в незначительной мере — большая часть словесного творчества состояла из устной словесности — но и потому, что в письменности долгое время не находили себе применения национальные языки. Таким образом письменность долго стояла полностью в стороне от течения устной словесности и она могла начать соревноваться с ней только тогда, когда в письменные литературные произведения проник национальный язык; у чехов это было только в конце 13-го века, а у поляков еще позже. Поэтому к литературной жизни средневековья мы не можем применять сегодняшние категории и сегодняшние точки зрения. Долгое время главная антиномия не существует внутри письменности, но между письменностью и устным творчеством; оба эти творчества, однако, не стоят на одинаковом уровне и развиваются почти независимо друг от друга.

Особое положение имело старославянское творчество в Великоморавском государстве и в Чехии; между ним и устным народным творчеством не было, наверно, преграды настолько резкой, как между творчеством латинским и устным народным творчеством, потому что язык старославянского творчества был понятен народу. Но так как словесность этого времени была предназначена христианскому духовенству, тогда как творчество устное принадлежало главным образом языческому народу, то больших

своений между обоими не было, тем более, что каждое творчество являлось надстройкой иной общественной формации (родового строя и феодализма). Можно предполагать лишь влияние в лексикальной области и в области стихов, однако нет доказательства более глубокого взаимовлияния.

Так как в письменности долго не находил себе применения национальный язык в такой мере, как сегодня, чешская или польская литература не отождествлялась только с литературой создаваемой по-чешски или по-польски, но включала и произведения старославянские и латинские; вследствие этого письменность была доступна лишь маленькой части национальной общности, в отличие от новых литератур, где в письменности хотя и отражаются интересы разных общественных слоев, но где письменность является одновременно, по крайней мере, потенциально всем доступной и своим языком понятной. Так как нет непосредственных следов устной народной словесности в средневековье, кроме сравнительно поздних записей повестей у хронистов или маленьких фрагментов песен, письменные памятники не показывают нам общей картины словесной культуры своего времени, как это обстоит в литературе новой, а только ее части.

Однако нельзя все-таки огулом считать изучение письменных памятников литературного характера за *pars pro toto*, ибо дело в том, что следят за началом развития нового процесса, который потом растет и превращается в новую литературу, в которой письменное творчество — чаще всего встречающаяся форма словесного творчества вообще, так что письменность отождествляется с словесной культурой вообще. Литературный историк должен поэтому следить, как это течение письменности развивается и крепнет и как в его развитии все больше находит себе применение национальный язык.

Но даже с развитием национального языка в литературных памятниках не возникает состояние культуры, к которому можно было бы применять сегодняшние точки зрения. Письменное творчество в течении почти всего средневековья составляло меньшую часть, и, кроме того, письменность была рассчитывана прежде всего на устную декламацию. Но несмотря на свою, по большей части оральную направленность, письменность все же ощущалась как что-то искусственного по сравнению с устной народной словесностью и как что-то этой словесности чужое, хотя противоположность между словесностью устной и письменностью находилась на другом уровне, чем в котором мы ее ощущаем сегодня.

Конечно, в таком положении литература в средневековье не могла создать целостность, которую можно было бы сравнивать с целостностью современной литературы. Литература в средневековье, как целое, не была даже потенциально доступна большинству членов национальной общности, ибо они могли принять участие в литературной жизни только при случае в качестве слушателей, и то еще не в целом объеме, так как дело шло о творчестве предназначенном по существу для духовенства и дворянства. Начиная со второй половины 14-го века проникают в чешскую литературу и интересы мещанства и народа, но гегемоном культурной жизни все же является дворянство, и новое литературное творчество развивается неустанно художественные стимулы творчества, служащего первоначально феодалам. Это, однако, не способствовало объединению литературы, потому что при устной декламации дворянская публика не интересовалась частью твор-

чества, предназначенной для мещанства, и наоборот. Это было вызвано отчасти уже тем, что дворянское творчество читалось в другой среде, чем творчество мещанское, и что обе публики не собирались к совместному слушанию. Итак, дело шло о литературе, расчлененной по общественным слоям; между их творчеством существовала более резкая граница, чем та, которая находится между творчеством общественных слоев в современной литературе.

Эта граница начала позже исчезать таким образом, что даже сюжеты первоначально дворянские попадали к мещанской и народной публике; но устранение различий было лишь мнимое, так как менялось отношение героя к жизни.

Дворянский герой стал напр. для новой публики только посетителем приключенчества, а не носителем рыцарских достоинств, которые были мещанству чужды. Итак, дело шло об адаптации традиционных сюжетов, а не о расширении области первоначально дворянской литературы. И также обстояло дело и с сюжетами из области духовной эпикки.

Несмотря на это социальное различие, в котором, конечно, отражаются антагонистические интересы, мы, однако, наблюдаем в средневековом чешском творчестве очень много общего, поскольку дело касается способа изображения, пусть это уже будет творчество предназначенное для дворянства и духовенства или же для зажиточных горожан, так что иногда говорят о литературе с конца 13-го века до 15-го века как о творчестве готическом. Понятие готической литературы нельзя, однако, отождествлять с литературным направлением или течением в сегодняшнем смысле слова потому, что это понятие является абстракцией, включающей творчество целой эпохи. Общие черты этого творчества являются результатом общего мировоззрения, той же идеологии и той же поэтической теории, которую писатели (сплошь да рядом члены интеллигенции) знали из древневековых школ. Следовательно, речь идет о следствии культурной гегемонии духовенства и дворянства. С другой стороны, однако, нельзя сказать, что „готическая“ литература не была художественно дифференцирована. В отдельных произведениях наблюдается новаторство и в противоположность этому эпигонство, подобно как в литературе современной; но нет фактора, соединяющего родственные произведения в цельности, аналогичной современным направлениям, особенно потому, что не было сознательных литературных программ и стремления к ним. Поэтическая теория была в сущности одна, общеобязательная, универсальная, а там же, где наблюдается расхождение в ее аппликации, то дело идет о расхождениях личностей и их последователей. Итак, можно встретиться с литературными группами (стихотворения, близкие Смилу Флашке из Пардубиц), и с теоретическими трудами (Речь в защиту наднациональной литературы на чешском языке Штитного), но нет литературного направления в современном смысле слова.

Однако, вполне оправдано будет говорить о двух течениях — о течении, стремящемся примкнуть к жизни, и о течении литературы, отрывающейся от живой проблематики конкретной жизни. Эти два течения отражают общественную дифференциацию; носителем прогрессивной линии является первое течение, ибо его произведения направляются к реалистическому изображению жизни и к литературе гуситской.

Новую ситуацию создало в чешской литературной жизни гуситское движение. Во время революционного движения существенно изменилось отношение литературы к жизни, отмирает традиционная художественная литература, служащая развлечению, и на первый план литературного процесса выдвигается литература, служащая актуальной борьбе. Для дальнейшего литературного развития оказалось, однако, особенно важным то, что начало рождаться новое понимание национальной литературы, потому что создавалась ее зависимость от национального языка и таким образом, собственно говоря, возникали условия для образования литературы общенародной в современном смысле слова; тем более, что проблемы, которые гуситское движение решало, касались всей национальной общности. Гегемоном культуры стали мещанство и народ, и в пределах литературы, написанной на чешском языке, происходило более сложное взаимодействие сил, чем раньше. Литература старается воздействовать на противоположные стороны и на индифферентных читателей, и в ней определяются гуситское и противогуситское направления, причем оба эти направления обращаются к одной и той же публике. Но все-таки и здесь нельзя говорить о двух литературных направлениях в современном смысле слова. В первых, изобразительный метод гуситских и противогуситских произведений является, в сущности, одинаковым, во-вторых, нет стремления определить программу. Литература направлена на борьбу; страстно решая проблемы, поставленные перед нею реальной жизнью, она мало заботится о вопросах литературного творчества. Можно встретить своеобразные личности и стили, можно встретить идеологические противоположности, но нет ничего, что бы позволило нам искать в литературе направления, отвечающего современному понятию того слова. Возникающей зависимостью национальной литературы от национального языка и тесной связью словесного творчества с жизнью литературная жизнь начинает походить на сегодняшнюю. Мы находимся в начале процесса, оплодотворяющего почву, из которой вырастут литературные направления в сегодняшнем смысле слова. Такими вехами в этом развитии является литература чешского гуманизма и польская литература Возрождения, которые приносят и новый способ распространения литературных произведений посредством книгопечатания.

Книгопечатание было вызвано растущим интересом к литературе. В связи с распространяющимся образованием более широких слоев общества возникла потребность более быстрого обращения словесных произведений, потребность, которую лучше всего могло удовлетворить изобретение новой техники размножения книг. Благодаря книгопечатанию, литературное произведение удешевляется, но одновременно меняется способ литературной жизни, потому что словесные произведения перестают восприниматься прежде всего слушанием, а все больше рассчитывают на „тихое чтение для себя“, подобно литературе современной. Литературная жизнь, следовательно, уже не связывается с возможностью чтения вслух, восприятие словесных произведений практически не ограничивается, и, таким образом, создаются условия для массового распространения литературы. В связи с этим меняется взаимоотношение литературы и устного народного творчества, начинается их соревнование. Здесь нашли себе применение особенно так называемые книжки народного чтения, пред-

назначенные первоначально (приблизительно с 16-го века) для мелкого мещанства, но в более поздние века они проникали даже в народ. Между ними и устной народной словесностью создавались тесные отношения и кое-что из них проникло и в народное устное предание; так в народное устное творчество попали напр. некоторые сюжеты феодального происхождения.

Переход литературы средневековья в литературу нового времени сказан, прежде всего, в новом отношении литературы к действительности, но он выявился заметно и в области формальной. Во время гуситского движения, например, заметно переменялась в чешской литературе иерархия форм стихов, как показал Роман Якобсон („Úvahy o básnictví doby husitské“, Slovo a slovesnost, 2, 1936), и подобный процесс произошел с наступлением Возрождения в литературе польской, как на основании подробного анализа доказал Казимерж Будзык („Przełom renesansowy w literaturze polskiej drugiej połowy XV i pierwszej połowy XVI wieku“, Warszawa, 1953). Это новое понимание литературы проявилось, конечно, и в современной литературной теории, как я еще дальше покажу.

При таких условиях литературной жизни получалась возможность большего сосредоточения литературной работы. Создаются центры словесного творчества, писатель становится более важным деятелем в национальной жизни. Так возникают попытки создать литературные направления. Первую такую попытку представляет противоположность в лагере писателей, борющихся с позиций гуманизма против средневековья: они писали на латинском языке, тогда как другие стремились к творчеству на национальном языке. Таким образом, возникло крыло на латинском языке пишущих гуманистов и крыло писателей, подчеркивающих в своей программе национальный язык. Это противоположное понимание писательского труда проявлялось в литературах польской и чешской, и в чешской литературе нашли стремления национального гуманизма меткое теоретическое выражение в знаменитом „Послании священнику Ире“ Викторина из Вшегрд. Но все-таки даже у группы гуманистов, близких Вшегрду, нельзя еще говорить о литературном направлении в сегодняшнем смысле слова. Противоположность гуманизма латинского и гуманизма на национальном языке нельзя сравнивать с литературными направлениями в современных литературах уже потому, что дело не идет о борьбе внутри национальной литературы в сегодняшнем смысле слова. Создавалось новое понимание национальной литературы как творчества написанного на национальном языке и распространяющегося притом по всем областям культуры. Поэтому нельзя еще говорить о литературном направлении, а скорее о литературной группе. — Но тем не менее здесь появляются по сравнению с литературой старшего периода намеки на литературное направление в том отношении, что дело идет о группе писателей (Вшегрд не был один), имеющей общую программу литературной работы и теоретического представителя.

Со времени же Вшегрда теоретический интерес к литературе все усиливается. Хотя интерес этот раньше не был чем-то неизвестным, — теоретический интерес к литературным вопросам мы наблюдаем и в более древние времена — но тогда он имел другой характер и другое назначение, ограничиваясь изучением признанных учебников поэтического искусства, содержа-

щих общеобязательные правила. Следовательно, он имел еще пассивный характер, тогда как с 16-го века теоретики занимаются специфическими вопросами чешской литературы, хотя они рассматривали их сквозь призму классической поэтической теории. Это особенно проявилось в стремлении возродить чешскую поэзию введением метрического стихосложения, достигшем своей вершины в статье Я. А. Коменского „О поэзии чешской“. В этом теоретическом стремлении можно уже видеть новые отношения к жизни и искусству. Типичные средневековые поэтики создают общеобязательную теорию. Это соответствовало средневековому универсализму и единственному языку высшей литературы — латыни. Поскольку эти теории применялись к национальным литературам, то это было лишь перенесение теории литературы без учитывания национальной специфичности. К какой-то общей теории стремились и пишущие на латинском языке гуманисты, а позже и латинские теоретики противореформации. Наоборот, пишущие на чешском языке теоретики, в частности Коменский и до него напр. Ян Благовослав, рассматривая дело иначе, старались удовлетворять специфическим требованиям национальной литературы. Таким образом, продвинулись они от средневекового универсализма к вопросам о национальной специфичности, хотя они еще признавали общепринятый идеал красоты и хотя они нормой языкового совершенства считали классические языки, латинский и греческий.

Совершенно специфическую проблематику открывает чешская литература со времени противореформационного движения (т. е. с двадцатых годов 17-го века до конца 18-го века). Для теоретика литературы этот период является интересным, главным образом, потому, что здесь в особом свете и в особой функции появляется народное устное творчество. Письменность ограничивалась областью религиозной и печатными произведениями для народа. Таким образом, устная народная словесность опять становится главным представителем словесной культуры всей национальной общности. В словесной жизни появились три течения: творчество официальное (представленное большей частью печатной продукцией), творчество полународное (к которому относится творчество мелкой интеллигенции и мещанства; оно не было направлено против народа и отчасти изображало даже народную жизнь), и творчество простонародное. Основную тенденцию развития представлял конфликт между творчеством официальным и простонародным, тогда как творчество полународное образовало какую-то переходную полосу. — Эти три течения сталкивались и проникали друг в друга (часто наблюдается, что народ, перенимая из официального творчества мотивы и темы, переоценивает их, обрабатывает по-своему, наполняет своей собственной идеологией и своими отношениями к жизни); все-таки, нельзя, однако, говорить о двух литературных направлениях, ибо эти течения не обладают всеми свойствами, характерными для современного литературного направления. Противоположность творчества простонародного и официального, хоть и образует какую-то аналогию противоположности реалистического и нереалистического отношения к жизни (через эту народную словесность развитие идет к современному реализму), их взаимоотношения, однако, не представляют собой борьбы двух литературных методов, в литературной жизни равноправных, которые могли бы откровенно бороться и стремиться овладеть всей литературой:

дело не шло о борьбе двух направлений, а в сущности об усилении навязать народу официальное творчество, заискивающее перед вкусом народа, но в действительности портящее его, которое по своему содержанию было, собственно говоря, противонародным. Итак, народное творчество находилось на совершенно другом плане, чем творчество официальное.

Из того, что я сжато привел, вытекает, что в литературной жизни у западных славян (и несомненно это можно применить ко всем славянам) в старшее время нельзя говорить о литературных направлениях, но что развиваются их зачатки вместе с отживанием средневековья и наступлением гуситского движения и Возрождения. С точки зрения развития литературных направлений можно, следовательно, видеть в литературах старших периодов две фазы; границу между ними образует приблизительно перелом между средневековьем и Возрождением.

Для первой фазы характерно то, что вовсе нельзя говорить о литературных направлениях. Это время, когда словесные произведения распространяются прежде всего устно и когда только медленно развивалась как главный представитель словесной культуры письменность. Устное распространение словесных произведений лишило более широкую общность возможности чувствовать литературу как целое, отдельные ее произведения не были даже потенциально доступны более широкому кругу, литературная жизнь не давала предпосылок для образования литературных школ и направлений.

Новую фазу начинает в чешской литературе гуситское движение и в польской литературе Возрождение. Здесь создались условия для соединения литературной жизни. Ему способствовал особенно усиленный интерес к литературе, ее интенсивное вмешательство в повседневную жизнь и новый способ распространения и восприимчивости литературных произведений. Литература становилась делом гораздо более широкой публики, чем раньше. Профессионального декламатора сменяло тихое чтение „для себя“, повышающийся интерес к литературе потребовал распространения книгопечатания. Так менялся образ литературной жизни и это изменение несло с собой и больший интерес к самостоятельным теоретическим сочинениям и попытки к литературным манифестам. Это все, однако, не было, — и в свое время даже не могло быть, — ничем иным, как простой бесплодной попыткой. Литература все еще оставалась доступной лишь сравнительно небольшой части национальной общности из-за незнания письма. Поэтому она также не могла играть решительную роль в культурной жизни всей национальной общности, не могла быть главным представителем национального образования.

Только в конце 18-го века, то есть, в то время, когда начинаются так называемые „новые“ славянские литературы, возникает литературная жизнь, близкая литературной жизни сегодняшней. С того времени литература становится важным общественным фактором и достоянием всего народа. Интерес к ней растет и в литературе видят главную представительницу национальной образованности. Ее включение в жизнь общества существенным образом изменилось — и по сравнению со старшей эпохой также радикально изменилось отношение литературы к устной словесности и способ ее восприятия. Главным представителем словесной культуры стало пись

menное творчество. В связи с этим началась проявляться широкая заинтересованность публики и стремление все больше использовать литературу, как оружие социальной и политической борьбы. Литература так стала полем, на котором сталкиваются противоположные идеологии, и в связи с этим разрасталась и публицистика. Таким образом, были созданы условия для возникновения литературных направлений.

1958

Problém střídání literárních směrů v starých slovanských literaturách

Autor rozlišuje literární proud a literární směr. Jako *literární proud* označuje široký vývojový trend, který má společné obecné rysy. *Literární směr* je pojem užší; jde o pohyb, který je subjektivně uvědomován a směřuje k cílům vytyčeným teoretiky a probíjovaným publicistikou. Do rámce proudu lze tedy zahrnout několik směrů.

V starších vývojových obdobích literárního života nelze mluvit u západních Slovanů (a to lze vtáhnout na všechny Slovanů a i na jiné literatury) o literárních směrech, nýbrž pouze o proudech. Počátky literárních směrů se rozvíjejí až s odumíráním středověku. Z hlediska literárního pohybu je proto možno rozeznávat v starší době literárního života dvě fáze; hranici mezi nimi tvoří přibližně přelom mezi středověkem a renesancí.

Pokud jde o první z těchto fází, bylo to období, kdy se slovesná díla šířila především ústně a písemnictví se rozvíjelo jen postupně. Ústní ráz slovesné produkce vedl pochopitelně k tomu, že se celek slovesné tvorby sotva mohl dostávat do čtenářského povědomí; jednotlivá díla měla tendenci navzájem se izolovat a jejich — aspoň relativně úplný — soubor nebyl ani potenciálně přístupný širšímu okruhu vnímatelů. Slovesný život proto nevytvářel podmínky pro vznik literárních směrů.

Novou fází zahajuje v české literatuře husitství a v polské literatuře renesance, neboť se vytvořily základní podmínky pro scelování literárního života. Přispíval k tomu především zvýšený zájem o literaturu, dále její intenzivní účast na aktuální problematice zajímavější stále širší čtenářské vrstvy a později konečně i nový způsob šíření slovesných děl prostřednictvím knižtisku (vyvolaný potřebou přibližovat literární díla širokému okruhu publika, jehož vzdělanost rostla). Profesionálního přednášeče nahrazovalo postupně čtení „pro sebe“ (takže mezi čtenáři a dílo se už nestával mezičlánek v podobě recitátora) a literatura se stávala záležitostí daleko většího počtu vnímatelů, než tomu bylo dříve. Tím vším se měnil ráz literárního života, a to vedlo i ke zvýšenému zájmu o literární teorii a k pokusům o první literární manifesty. Dosud však šlo jen o začátky procesu, který probíhal po celá staletí. Literatura byla ještě dlouho dostupná jen části národní společenosti a ještě dlouho nebyla pocíťována jako hlavní představitelka národní vzdělanosti.

Až na konci 18. století — tedy v době, kdy vznikají tzv. „nové“ slovanské literatury — vytváří se literární život blízký dnešnímu. Literatura je stále významnějším činitelem v národním životě, a tím se mění i její začlenění do celku národní vzdělanosti. Signálem toho byl i změněný vztah ústní slovesnosti k písemnictví, které se nyní stalo hlavním nositelem veškeré slovesné kultury. Za této situace se objevují i literární směry v moderním slova smyslu.